

Шэнь Цинчжоу спросил, когда они наконец двинутся в путь. Цзинь Чэнцзи пояснил, что нужно лишь дожидаться, пока закончат нефритовое изваяние. Праздник середины осени остался позади, и если потянуть время до предзимья, когда северные края скует стужа, дороги опустеют. Ни купцов, ни лихих людей в это время почти не встретишь, а значит, одной лишь переменчивой погодой можно избавить себя от кучи лишних хлопот.

Покинув тайник, господин Цзинь настойчиво пригласил Шэнь Цинчжоу откусать вина. Тот для приличия попытался отказаться, но уступил перед радушным напором хозяина.

Покои Цзинь Чэнцзи были обставлены на древний манер: столы и сиденья стояли совсем низкие, на коротких ножках. Хозяин без лишних церемоний опустился прямо на циновку. Шэнь Цинчжоу последовал его примеру с непринужденной легкостью, и лишь Лэй Чжэньбэй на мгновение опешил, прежде чем неловко усестись рядом.

Когда хмель развязал языки, а беседа потекла живее, господин Цзинь велел слугам принести оружие. То был изящный клинок в ножнах, покрытых тонкой резьбой, с рукоятью, увенчанной жемчужиной величиной с перепелиное яйцо. Эту вещь он вознамерился преподнести в дар гостю.

Шэнь Цинчжоу по обыкновению попытался вежливо отказаться. Но стоило ему отклонить подарок дважды, как захмелевший хозяин пустил слезу. Из прищуренных глаз Цзинь Чэнцзи выкатились настоящие слезинки, и он плаксиво запричитал:

— Как исстари говорится, добрый меч — достойному мужу! Братец, ты бесспорно герой из героев! Отказаться от клинка — значит выказать презрение моему искреннему расположению!

Утирая слезы рукавом с притворным сокрушением, Цзинь Чэнцзи являл собой зрелище столь комичное, что Шэнь Цинчжоу лишь безмолвно дивился этому шутовству. К счастью, Лэй Чжэньбэй вовремя вмешался, сгладил неловкость парой круглых фраз, и гостю пришлось принять меч, который, по правде говоря, больше походил на дорогое украшение, нежели на боевое оружие.

Вот только за последние два дня молодой человек успел спустить все свои сбережения в веселых кварталах с поистине барским размахом. Ответить на столь ценный подарок ответным подношением он сейчас не мог, отчего на душе скребли кошки. Пришлось мысленно пообещать себе при первом же случае вернуть этот долг чести.

Застолье продолжалось. Господин Цзинь призвал домашних певиц и плясуний. Девы двигались плавно и неспешно, их напевы лились усыпляюще-ровно, являя взору лишь изящество гибких станов и чистоту голосов. Пели они на языке ханьцев, однако в самих движениях и манере угадывался дразнящий чужеземный лад.

Шэнь Цинчжоу собрался восвояси лишь во второй половине часа Собаки. Поняв, что уговорить дорогого гостя остаться на ночь не удастся, гостеприимный хозяин распорядился подать экипаж, чтобы с удобством доставить его обратно в трактир.

В полумраке кареты напускной хмель мгновенно слетел с лица Шэнь Цинчжоу. Нахмурившись, он принялся разглядывать подарок.

Клинок в длину насчитывал около трех чи, а шириной был в добрых четыре цуня. Не спеша обнажать сталь, Шэнь Цинчжоу сначала внимательно осмотрел ножны.

Тонкая гравировка изображала яростную схватку тигра и дракона, а ближе к устью проступали четыре вырезанных почерком чжуань иероглифа: «Меч, сметающий шесть сторон света».

Сколько он ни крутил ножны в руках, больше ничего примечательного не обнаружил. Тогда, обхватив ладонью рукоять, он медленно потянул клинок наружу. Сталь блеснула чистым, глубоким отливом, похожим на гладь осеннего омута. Оружие и впрямь было превосходным.

Шэнь Цинчжоу провел пальцами по обуху, коснулся лезвий с обеих сторон, осторожно проверил остроту острия. Никаких сомнений: работа мастера высочайшего класса, искуснаяковка. Однако разгадать скрытый умысел дарителя так и не удалось.

Нахмурившись, он перевел взгляд на рукоять. Окованная двумя золотыми кольцами, она была сплошь покрыта рельефным узором парящих в облаках драконов. Но главным украшением служила круглая, мягко сияющая жемчужина на самом набалдашнике. Она сидела в гнезде, выполненном в виде бутона лотоса. Шэнь Цинчжоу попробовал поддеть ее ногтем, нажать, повернуть — тщетно, драгоценный камень держался намертво.

«Зачем ему понадобилось навязывать мне это?» — Шэнь Цинчжоу с глухим щелчком вернул меч в ножны и озадаченно покачал головой.

Он не обольщался на свой счет. Цзинь Чэнцзи не был из тех, кто раздает столь ценное оружие первому встречному из чистой симпатии. В этом человеке расчетливая купеческая жилка уживалась с изворотливостью чиновника, так что за щедрым жестом крылся хитрый план. Вот только какой? Разгадать этот ребус с ходу не получалось.

Колеса кареты глухо застучали по брусчатке и замерли. Из-за дверцы раздался голос кучера, извещающий, что они прибыли к дверям трактира. По привычке потянувшись к поясу, чтобы отсыпать вознице на чай, Шэнь Цинчжоу нащупал лишь пустоту. Безденежье отозвалось досадой. Иронично усмехнувшись, он поспешил покинуть экипаж и, прижимая меч к груди, вошел под своды постоянного двора.

В общем зале внизу еще оставалось несколько полуночных завсегдатаев, лениво тянувших вино. Шэнь Цинчжоу не желал привлекать к себе внимания и сразу направился к лестнице. Стоило ему ступить на вторую ступень, как за спиной раздался торопливый оклик:

— Брат Шэнь, постой!

Шэнь Цинчжоу удивленно оглянулся. Окликнувшим оказался Сяо Янся из школы Хуашань — тот самый юноша, что днем просил одолжить ему клинок во время пиршества.

Молодой человек поспешно преодолел расстояние между ними и, заглядывая снизу вверх, смущенно улыбнулся:

— Откуда путь держишь, брат Шэнь?

— У Сяо-дася ко мне какое-то дело? — Шэнь Цинчжоу мягко улыбнулся, уходя от прямого ответа.

Сяо Янся, словно спохватившись, убрал улыбку. Он заметно покраснел от неловкости. Замявшись на миг, он пробормотал:

— Я... я не знал, что у тебя сегодня встреча, пришел без предупреждения...

Шэнь Цинчжоу негромко вздохнул:

— И все же, младший брат, зачем ты меня искал?

— Да я... то есть... — юноша окончательно стушевался под его прямым взглядом и промямлил:
— Ничего такого. Просто хотел предложить... пропустить по стаканчику.

— Опять вино? — Шэнь Цинчжоу, прижимая локтем новый меч, шутливо погладил себя по животу. — С самого утра только и делаю, что пью за чужой счет. Надо же, каким я оказался желанным гостем.

Он весело прищурился, глядя на застывшего в растерянности собеседника, и добавил:

— Ладно, давай выпьем. Только вот незадача: я уже изрядно нагрузился. Если не побрезгуешь подождать несколько минут, я отлучусь на задний двор облегчить душу?

Сяо Янся не ожидал столь легкого согласия и от радости лишь закивал головой.

Шэнь Цинчжоу одарил его еще одной улыбкой и ленивой походкой направился на задний двор, к уединенному домику — облегчить душу. Сяо Янся остался ждать у стойки. Время шло, юноша извелся от нетерпения, когда Шэнь Цинчжоу наконец соизволил явиться.

Заметив, что парень все еще топчется внизу, Шэнь Цинчжоу на миг выказал удивление, но тут

же расплылся в извиняющейся улыбке:

— Прости, что заставил ждать. Только боюсь, посидеть нам сегодня все равно не удастся.

— Как это?.. — Сяо Янся поджал губы. Разочарование на его лице быстро сменилось тенью обиды.

Шэнь Цинчжоу сокрушенно развел руками:

— Да не серчай ты, я бы с радостью. Только вот в кошельке у меня гуляет ветер. Ты ведь помнишь, мне пришлось даже собственный меч отдать в... хм... подарок? Откуда взять монету на кабак?

Он легонько потряс мечом, полученным от Цзинь Чэнцзи, и театрально вздохнул:

— Благо один добрый знакомый сжалился над моим сиротским положением и поднес эту сталь. А не то вернулся бы я в школу с пустыми руками на позорище наставнику.

Услышав это, Сяо Янся мгновенно приободрился и широко улыбнулся:

— Так разве ж я за твой счет зову? Угощаю я!

Получив твердое обещание, Шэнь Цинчжоу больше ломаться не стал. Когда спутник великодушно предложил самому выбрать заведение, хитрый лис без долгих раздумий повел его напрямик в Башню Красного и Зеленого. Молодой воспитанник Хуашань, судя по всему, в подобных злачных местах никогда прежде не бывал. Поначалу он был крайне потрясен. Видимо, убоявшись показаться несведущим деревенщиной, юноша напустил на себя суровый вид и до самого входа старался смотреть исключительно перед собой.

Шэнь Цинчжоу не стал подшучивать над ним. Привычным жестом он подозвал двух лучших певичек, которые тут же обступили робкого гостя. Под нежные переборы лютни и вкрадчивый девичий щебет вино полилось рекой. Юноша был слишком молод, чтобы устоять перед ласками опытных кокеток. Вскоре он позабыл обо всем на свете, утопая в неге, и совершенно перестал замечать своего спутника.

Шэнь Цинчжоу, холодно наблюдавший за этой картиной со стороны, дождался, пока внимание хуашаньца полностью переключится на девиц, и бесшумно выскользнул из комнаты. У дверей он выкупил у прислужника два кувшина доброго вина и, подхватив их за веревки, направился туда, где блуждал прошлой ночью.

На сей раз звуки флейты не указывали дорогу, но он без труда нашел затерявшуюся возле конюшен лачугу.

Дверь была заперта, сквозь щели в ставнях пробивался тусклый свет свечи. Не желая вновь вваливаться без спросу, Шэнь Цинчжоу негромко постучал в косяк и откашлялся:

— Лочэнь? Это я. Отпирай.

Внутри слышались шаги. На мгновение у молодого человека екнуло сердце, а в горле пересохло. Когда засов наконец скрипнул и дверь отворилась, Шэнь Цинчжоу замер, почувствовав, как внутри все неприятно сжалось.

Лочэнь стоял на пороге, заступив дорогу. Приглашать гостя войти он явно не спешил. Лицо его оставалось непроницаемо-холодным.

Шэнь Цинчжоу приподнял кувшины и вымученно улыбнулся:

— Что стряслось? Принес вина, а ты мне не рад?

В лунном свете изуродованное шрамами лицо Лочэня казалось еще более зловещим. Он смотрел с ледяным безразличием, способным отвадить любого. Он стоял неподвижно, продолжая молча буравить Шэнь Цинчжоу глазами.

— Не хочешь меня видеть? — Шэнь Цинчжоу, даже будь он совсем недогадливым, не мог этого не понять. Он выдавил растерянный смешок: — Но почему? Еще сегодня утром мы с тобой...

Лочэнь едва заметно изменился в лице. Он посмотрел на гостя, едва заметно покачал головой и, отступив на шаг назад, потянул за ручку двери, намереваясь закрыть ее перед самым его носом.

Шэнь Цинчжоу среагировал мгновенно: подставил локоть под косяк и протиснулся внутрь. Лачуга пустовала. Сицюаня, которого он подозревал в тайном свидании с хозяином, здесь не оказалось. Все стояло ровно так же, как и утром. Поставив кувшины на стол, незваный гость развалился на лавке и, притворно накупившись, запричитал:

— Ах ты неблагодарный! Сперва привадил меня, пылинки сдувал, все прелести мои разглядел, а теперь за порог гонишь? И зайти не позволяешь! Я к нему всей душой, и днем и ночью только о нем и думаю, а он, оказывается, вон какой коварный изменник...

С этими словами он картинно прижал край рукава к глазам, утирая несуществующие слезы. В актерском мастерстве Шэнь Цинчжоу мог дать сто очков вперед даже прохоже Цзинь Чэнцзи. Он выражал глубочайшую скорбь, а голос сорвался на плаксивый фальцет. Лочэнь, как ни старался сохранить суровость, не устоял перед этим представлением. Он опустил голову, пытаясь скрыть невольную улыбку. Но когда вновь посмотрел на гостя, он снова стал бесстрастным. Закрыв дверь на засов, он повернулся к Шэнь Цинчжоу.

Поняв, что Лочэнь сердится не в шутку, Шэнь Цинчжоу перестал кривляться. Сменив шутливый тон на серьезный, он проговорил:

— Брат Ло, ты бы хоть объяснил, за что на меня дуешься. Хочешь, чтобы я мучился догадками, точно влюбленный юнец перед капризной девицей?

Лочэнь нахмурился, поджав губы. В конце концов, тяжело вздохнув, он прошел к столу и опустился на табурет напротив гостя.

<http://bllate.org/book/19915/2040219>